

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

А. А. ЛЕБЕДЕВА

ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА И КУЛЬТУРЫ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ

*(По материалам Забайкальского отряда Комплексной экспедиции
Института этнографии)*

Забайкальский отряд Комплексной экспедиции работал в 60 русских селениях Бурятской АССР и Читинской области. Исследования велись в крестьянских (семейских и сибирских) и бывших казачьих селениях (рис. 1). В предлагаемой статье обобщены материалы, собранные нами в бывших казачьих селениях, но касающиеся и казаков, и «поселенцев» («поселенцами» в казачьих селениях называли присланных на поселение, но не приписанных к казачеству). Цель статьи — осветить на основе собранного материала состояние хозяйства и уровня культуры русских казачьих селений Забайкалья до 1917 г. и показать, что представляют собой в хозяйственном и культурном отношении эти селения в настоящее время. Прежде чем подойти к рассмотрению поставленных вопросов, необходимо ознакомиться с историей формирования намеченных для изучения русских селений Забайкалья.

Объектами нашего изучения были бывшие казачьи селения, выросшие из пограничных казачьих караулов по р. Онон, основанных в середине XVIII в. Они до настоящего времени носят прежние названия — Мангут, Верхний Ульхун, Кыра, Тынрин, Акша, Нарасун.

Изучалось также русское село Курунзулай Борзинского района, расположенное среди эвенкийских селений. Село Курунзулай основано лет 300 назад. Здесь были медный рудник и медеплавильные печи, где работали ссыльно-каторжные. Горная промышленность Забайкалья опиралась главным образом на применение принудительного труда каторжан; по отбытии срока их оставляли на жительство в этих местах, так как царское правительство ставило задачу заселения и освоения Забайкалья. Поселения русских ссыльных в Забайкалье были расположены в почти безлюдных местах, отделенных тысячами верст бездорожья от коренной России, далеко от городов, от магистральных дорог; выбраться отсюда по отбытии срока каторги, особенно без средств, было невозможно. Так в полустепных каменистых и суровых по природе местах вырастали русские селения, одним из которых и является Курунзулай. Большая часть ссыльных занималась сельским хозяйством. Жители этого селения позднее были приписаны к казачеству и несли по-

винности казачьей службы. В 1903 г. в селении было 120 казачьих домов; оно относилось к Онон-Борзинской станции.

К группе казачьих селений, которые, как и Курунзулай, были приписаны в середине XIX в. к казачеству, относятся изучавшиеся нами села Долгокыча, Бурулятуй, Верхний Шаранай, Нижний Шаранай и др. В быту казачества этих селений было много типично крестьянского, поскольку до середины XIX в. они были волостными крестьянскими селами. По воспоминаниям старожилов с. Долгокыча, одними из первых поселенцев были Большаковы, сосланные из Вологодской губернии за

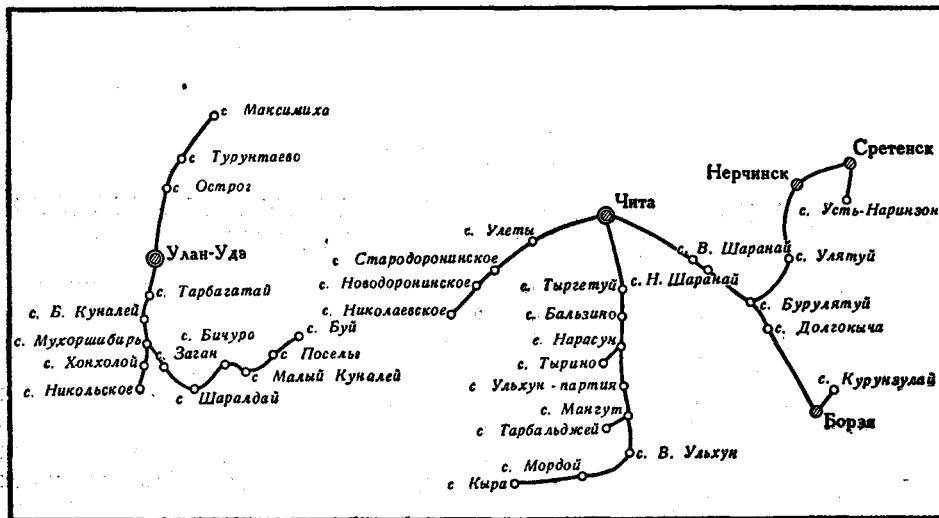

Рис. 1. Схема маршрутов работы Забайкальского отряда 1960—1961 гг.

участие в «бунте» против помещика. Около села до сих пор имеется «Сопка Большаковых». Здесь поселялись бывшие каторжане, отбывшие срок каторги на Болейских золотых приисках и на заводах в Нерчинске.

Численность казачества постоянно увеличивалась. В 1851 г. были приписаны к казачеству 30 тыс. государственных крестьян нерчинских заводов; в последующие годы приписывались вновь прибывшие переселенцы с Урала, из западных губерний России и Украины¹. К 1895 г. казаков в Забайкалье насчитывалось около 180 тыс., к 1902 г.— 185 тыс.².

С началом освоения Амура из забайкальских казаков стали формировать Амурский полк; кроме того, на Амур переселяли пешее казачье войско, образованное из переведенных в казаки государственных горнозаводских крестьян Забайкалья. Переселение на Амур и приписка целых сел к казачеству проводились насильно. «...Вся переселенческая политика самодержавия,— писал В. И. Ленин,— насквозь проникнута азиатским вмешательством заскорузлого чиновничества, мешавшего свободно устроиться переселенцам, вносящего страшную путаницу в новые земельные отношения, заражавшего ядом крепостнического бюрократизма центральной России окраинную Россию»³.

¹ Ф. Дэвель, Рассказы о Восточной Сибири, М., 1896, стр. 119.

² П. Головачев, Сибирь: Природа, люди, жизнь, М., 1902, стр. 162.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 405.

Многие казацкие и крестьянские селения — Мангут, Верхний Ульхун, Верхний Шаранай, с. Доронинское и др. — страдали во время разлива рек: уничтожались посевы, погибал скот, разрушались дома, и люди вынуждены были перебираться на новые места, не получая никакой помощи. Все же крестьянские селения были в несколько более выгодном положении, поскольку крестьяне-переселенцы могли сами выбирать места для жительства. Казаки же размещались там, где этого требовали соображения военных властей; при этом далеко не всегда учитывались жизненные удобства.

Как уже говорилось, многие казацкие селения выросли на основе бывших волостных крестьянских сел. Поэтому мы сочли необходимым изучить некоторые селения, не приписанные к казачеству. Отряд работал в с. Доронинском Улетовского района, с. Тыргетуй Карымского района, с. Бальзино Дульдургинского района и др. Это дало сравнительный материал для освещения социально-бытовых вопросов и вопросов культурного строительства у русских Забайкалья.

Крестьянское село Доронинское ведет основание от заимки в лесу, куда в середине XVII в. поселилось несколько семей переселенцев. С. Тыргетуй основано ссыльными крестьянами из западных губерний России лет 200 назад. Их ссылали целыми семьями. Колхозник Г. М. Ларионов, 70 лет, рассказывал, что его прадед был сослан с женой, тремя сыновьями и дочерью за участие в бунте из-за земли против помещика. Ларионовы — чувашки, но на месте поселения стали называть себя русскими, хотя долго еще носили домотканую одежду с чувашским орнаментом. Сыновья женились на русских. Немало было и «самовольных» переселенцев, бежавших от невыносимых условий крепостничества. «...Совершенно невыносимое положение крестьян таково, — писал В. И. Ленин, — что русский мужик готов бежать не только в Сибирь, но и на край света»⁴.

Поселенцы занимались подсечным земледелием, скотоводством, охотой, а также старательством на ближних приисках. С середины XVIII в. налаживается трактовое сообщение Верхне-Удинск — Чита — Нерчинск — Нерчинский завод. В Забайкалье создание трактов было ускорено развитием горной промышленности и торговли с Кяхтой. Тракт на Кяхту сложился к концу XVIII в., однако слабая заселенность этих мест Забайкалья затрудняла «гоньбу» по трактам. Чтобы улучшить связь с Кяхтой, Сретенском и Нерчинским заводом, правительство направляло переселенцев в эти места. Вначале возникли ямские станки, выросшие затем в притрактные села, так как требовался уход за дорогами и обслуживание транспорта.

От Байкала в Читы и Нерчинск везли хлеб, соль, рыбу. С Нерчинских заводов на запад везли железо, свинец и с особой тщательностью перевозили с приисков золото. В Кяхту везли из Сибири меха и другие товары.

На трактах возникает оживленный извозный промысел — ямщина, в который вовлекаются не только жители сел, расположенных около тракта, но и окрестных селений. До проведения железной дороги извозный промысел имел огромное значение в экономике края, в особенности у русского населения. Основным источником существования жителей многих сел было не сельское хозяйство, а работа по обслуживанию тракта. С развитием курорта Дарасун доходной статьей ближних сел стал подвоз курортников от г. Читы, а после проведения железной дороги — от станции до курорта.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 325.

Своеобразно было классовое разделение труда в извозном промысле. Зажиточные крестьяне, обладавшие большим количеством конского поголовья и прочими средствами транспорта, были заняты на наиболее рентабельных операциях. Они ведали транспортировкой грузов, для чего составляли артели возчиков, которые распределяли между собой участки пути на 1000—1500 и более верст⁵. Среднее крестьянство ограничивалось преимущественно сбытом продовольственных и фуражных продуктов своего хозяйства, давало приют обозам; занималось ковкою лошадей, починкой принадлежностей извоза, перегрузкой кладей и проч. Бедняки вынуждены были заниматься наименее доходными и весьма трудоемкими работами, главным образом по исправлению дорог, устройству мостов⁶.

Особенно тягостна была «внутренняя служба», приходившаяся на долю отставного казака. Повинности выражались в исправлении дорог, ямщине, сопровождении различных государственных грузов и арестантов и проч. Эти повинности лежали нередко на всей семье, не исключая женщин и детей, так как иногда казаку за день приходилось выполнять три вида обязанностей — провоз арестанта, подвоз леса на войсковую стройку и службу на войсковой конюшне. Ямщиками нередко ездили дети и женщины-казачки⁷. Если в других местах привилегии казачества имели реальную ценность, то в Забайкалье, где не было крепостного права, не было недостатка в землях, — льготы не имели большого значения. Зато государственные повинности здесь были более обременительны.

Основной отраслью хозяйства казачьих селений было занятие животноводством (конеководством, овцеводством и разведением мясо-молочного скота), как наиболее выгодной в условиях забайкальского климата и тех условий, в которых находились многие пограничные казачьи селения, почти не располагавшие землями, пригодными для хлебопашества.

Казачьи селения до революции были далеко не одинаковы — были богатые селения, имевшие большие земельные угодья, как например, Мангут, Долгокыча, Нарасун, и малоземельные или расположенные на малоудобных каменистых землях — Верхний Ульхун, Курунзулай, Бурлятуй и др. В каждом селе было четыре — шесть богатых семей, но уровень богатства казачьих семей в разных селениях не был одинаков. Были зажиточные казаки, имевшие большие земельные участки и много скота. Богатые имели до 100 десятин выпасов и сенокосов. В станице Мангут было примерно пять богатых казаков. Старожилы рассказывают, что казак П. И. Перфильев из станицы Мангут в начале XX в. имел 20 десятин пахотной земли, два табуна (170 голов) лошадей, 300 голов крупного рогатого скота, 600 овец. Петруня Перфильев, как его здесь называли, имел восьмистенный жилой дом по улице, а в огороде четырехстенный дом «зимовье», где варили корм скоту, зимой иногда держали молодняк, кур, занимались выделкой кож, шкур, ремней; здесь же жили пять-шесть батраков. Рядом с зимовьем стоял двухэтажный амбар: нижний этаж был засыпан хлебом в закромах, верхний увешан соломиной на ременных веревках. В 5—8 м от первого стоял другой, пятистенный амбар с зерном. Усадьба возле дома занимала более двух десятин. На усадьбе находилась конная мельница, где каменными кругами размалывали зерно на корм свиньям и обдирали

⁵ «Статистика Российской империи», т. XXVII, вып. 8, стр. 51.

⁶ «Русский вестник», СПб., 1842, № 9—10, стр. 125.

⁷ Сборник газеты «Сибирь», т. I, СПб., 1876, Реформы в сибирском казачьем войске, стр. 347.

гречиху на крупу. За мельницей был глубокий погреб со льдом для хранения продуктов. Имелась своя кузница. На усадьбе располагались — помещение для свиней — «стая», дворы для коров, лошадей и рабочих быков, так как при доме круглый год держали необходимое число коров и рабочего скота.

Для хозяйства богатых забайкальских казаков были характерны заимки, располагавшиеся обычно в 10—20 верстах от села. Отары овец, косяки коней и крупный рогатый скот, молочный и нагульный, обычно круглый год находились на заимке, где для них имелись помещения — «станы», навесы для кормов и жилое зимовье для людей. На заимке круглый год жили работники, которые кормили скот, ухаживали за молодняком, перерабатывали молочные продукты и т. п.

В станице Верхний Ульхун зажиточные казаки имели по 5—10 десятин только пахотной земли и не менее 30 десятин сенокосной, 30—40 лошадей, около 50 голов крупного рогатого скота и более 100 овец. В с. Курунзулай три богатых хозяина имели по 80 рабочих лошадей и табуны гулевых коней. Их продавали казакам, идущим на военную службу, и для земледельческих работ. Распахивали по 3—5 десятин для нужд своего хозяйства и семьи.

Основную массу составляли хозяйства, считавшиеся средними. Такие хозяйства имели 10—15 десятин пахотной и сенокосной земли, 15—20 лошадей, 25—30 голов крупного рогатого скота, 50—80 овец, 3—5 свиней. Жилые дома чаще были трехраздельные, т. е. две избы, соединенные теплыми сенями («изба с коридором»). С начала XX в. стали строить пятистенки. В огороде обычно также находились зимовье и комплекс хозяйственных построек. Здесь уже был не двухэтажный, а пятистенный амбар — «с перерубом». Одна половина представляла собой собственно амбар для зерна, «переруб» летом служил спальней, а зимой — кладовой. Казаки средней зажиточности на заимках чаще всего управлялись своими силами, выезжая в рабочую пору на заимку всем семейством; в селе оставались лишь старые да малые. Постоянных батраков они обычно не держали, а нанимали в рабочую пору сезонных и поденных работников из бедных семей своего или соседнего села.

В каждой станице, в каждом казачьем селении было немало бедных семей, всю жизнь батрачивших в богатых хозяйствах. Бедные хозяйства имели лошадь, корову и надел земли в 1—2 десятины, но самостоятельно вести хозяйство не всегда были в состоянии, так как не имели достаточно рабочего скота и сельскохозяйственных орудий. Нередко два-три бедных хозяйства объединялись для полевых работ: брали у богатых за отработку быков и сообща обрабатывали свои земельные наделы — пахали, сеяли, бороновали. Нередко бедняк со своей лошадью нанимался работать к богатому казаку, получая за это право на «присевок» — посеять немного хлеба для себя, пользуясь хозяйскими быками. Часто бывали случаи, когда бедняк свою землю сдавал в аренду или продавал богатому казаку за хлеб, так как с одной лошадью, нередко не имея плуга и зерна, не мог обработать и засеять свой участок. Продав свой земельный надел, бедняк со всей семьей нанимался в работники и жил на заимке у богатого казака на хозяйских харчах, выполняя все работы. Иногда хозяин разрешал семейному работнику посеять хлеб на хозяйской земле для своей семьи. Лишь очень хорошие работники, кроме харчей, получали небольшую плату за труд.

В казачьем селении Верхний Шаранай было много бедных семей, которые вплоть до революции батрачили у зажиточных казаков своего села. Следует отметить, что с. Верхний Шаранай было беднее других

казачьих селений и бедняков здесь было больше. Об этом свидетельствуют в первую очередь жилые и хозяйственные постройки. Здесь не было таких больших жилых и хозяйственных ансамблей, как в селах Мангут и Долгокыча. Хотя с. Верхний Шаранай расположено на берегу р. Онон, по которой сплавливали много строевого леса, но для средних и бедных хозяйств лес был дорог. Много было домов «жагана» — плетенных из тальника с засыпкой «наземом» (сухим навозом). Пол часто был земляной, а потолок «круглый» (из нераспиленных бревен), крыши — берестяные, из березовой коры. В отличие от других казачьих селений, здесь в каждом хозяйстве возделывали коноплю и волокно ее обрабатывали для домотканой одежды, для своих хозяйственных нужд. В этом селе, приписанном к казачеству лишь в середине XIX в., больше и дольше сохранялись навыки натурального хозяйства русских крестьян.

Вся тяжесть полевых работ во многих казачьих семьях большей частью лежала на женщинах и детях, так как мужчины выполняли казачью службу. Хозяйство же в большинстве семей в XIX в. велось примитивным способом. Землю обрабатывали сохой-колесухой (сабан), тяжелыми сохами с двумя сошниками или тяжелыми деревянными плугами на двух колесах. В Нерчинском округе в середине XIX в. пахали плугом с одним сошником, в него запрягали две — четыре пары волов, так как почвы там были очень крепкие, поросшие травой «коврижник». Далеко не каждая семья имела столько волов, поэтому заниматься земледелием могли лишь состоятельные казаки. Более же удобной считалась для работы здесь и в середине XIX в. русская соха с одним сошником⁸. Лишь в XX в. в богатых хозяйствах стали применять железные плуги. Первый железный плуг в с. Мангут появился в 1911 г. у богатого казака Ивана Рогова, и все население станицы приходило смотреть на эту диковинку. В некоторых районах, где почва мягче, пахали на лошадях парой или цугом. Бороны чаще применяли деревянные или с железными зубьями, которые делали сельские кузнецы⁹.

Земледелием в казачьих селениях занималось большинство семей лишь для удовлетворения своих нужд. Но далеко не каждая семья могла в полной мере удовлетворить даже свои потребности в хлебе из-за недостатка рабочего скота, орудий труда и нехватки рабочих рук. Многие были вынуждены занимать хлеб у зажиточных казаков, которые имели в амбарах трехлетние запасы его.

Многим семьям было трудно готовить казака на службу, а если предстояло за короткий срок снарядить нескольких молодых казаков, то нередко семья разорялась и попадала в кабалу к зажиточным, увеличивая число батраков.

Срок службы казаков, по положению 1851 г. был установлен в 40 лет: 25 лет на полевой службе и 15 лет на внутренней. Реформа воинской повинности 1874 г. сократила срок полевой службы до 19 лет. Каждый казак с 19-летнего возраста проходил строевую службу, часто вдали от семьи и своего хозяйства. Помимо длительности, тяжесть казачьей службы увеличивались тем, что казак должен был обмундироваться, снарядиться и обзавестись строевой лошастью за свой счет.

В возрасте 18 лет казаков вызывали в станичный отдел принимать присягу, после чего каждый молодой казак обязан был собраться на службу: если в хозяйстве не было хорошего строевого коня, приходилось покупать его, заказывать седло и попону на коня и парадное об-

⁸ Архив РГО СССР, р. 58, д. 1, стр. 149—164; Л. Львов, Обзорение Забайкальского края, «Русский вестник», СПб., 1842, № 9—10, стр. 59.

⁹ Научный архив Ин-та этнографии АН СССР, фонд Комплексных экспедиций, Забайкальский отряд, 1961, ед. хр. 273.

мундирование для себя (шинель, мундир, папаху, башлык), приготовить повседневное обмундирование, белье и различные хозяйственные предметы, «ящик» (сундук) для вещей и сухари. На подготовку к службе давалось два года. Помимо лошади, сбруи и седла, нужно было собрать еще 70—80 руб. на обмундирование. Из многих семей — и не только бедных — молодые люди перед призывом на службу вынуждены были несколько лет батрачить, чтобы собрать деньги на коня и обмундирование. Иногда парни уходили на золотые прииски, но это бывало реже, так как старательство не всегда гарантировало заработок и более надежным было батрачество. С 16—17 лет нанимались на любые работы — пахать, косить, убирать хлеб. Мужчины из с. Верхний Ульхун занимались сплавом леса по р. Онон. Подряды на сплав брали у купцов. Зимой уходили на заготовку леса, а летом его сплавливали. За летний сезон 3—4 раза ходили с лесом по Онону. Вдоль Онона до Оловянной нанятые гонщики гнали лошадей, на которых сплащики возвращались из Оловянной.

В каждом казачьем селении жили семьи и не казацкие, а так называемые «поселенцы», приселившиеся позднее и не приписанные к казачеству. Иногда в числе таких поселенцев были состоятельные люди, которые открывали торговлю, занимались скупкой и перегонкой скота в город, на прииски или рудники и со временем приобретали землю, обзаводились большим хозяйством. Большинство поселенцев занималось ремеслом (гончарство, обработка шкур, кож, шерсти и т. п.), обслуживая свое селение. Обычно этим занималась вся семья поселенца, мастерская помещалась в жилом доме. Но нередко такие семьи всю жизнь не имели своего дома, а жили «на квартире», не имели своей земли, а лишь с разрешения станичного правления могли взять в аренду небольшой участок для огорода и под посев зерновых на хлеб. Семьи поселенцев в казачьих станицах Забайкалья в значительной мере были поставщиками батраков и поденных рабочих для состоятельных хозяйств. Взаимоотношения казаков и поселенцев в селах Забайкалья были такие же, как на Дону и на Кубани между казаками и «иногородними». Казаки пренебрежительно относились к поселенцам, всячески препятствуя развитию их хозяйства, если поселенец не имел достаточных средств. Но к богатым поселенцам охотно нанимались работать и бедные казаки.

Жизнь населения в казачьих станицах ограничивалась в большинстве случаев интересами своего хозяйства, своей семьи; при этом вследствие особенностей ведения хозяйства в Забайкалье, где значительная часть времени проходила на заимке, далеко от села, разобщенность семей была особенно явственной. Хозяйство занимало все время, и лишь в большие праздники возможны были общение людей и гулянья молодежи.

Старожилы вспоминают, что раньше богатые, кроме обильной еды, никакой радости в жизни не знали. Молодые люди были постоянно в работе и по селу ходили лишь в праздники, так что в будние дни на заимке или у себя на усадьбе не к чему было носить хорошую одежду, да и не было времени этим заниматься. Л. Я. Ячменев, 68 лет (с. Верхний Ульхун), вспоминает, что он в первый раз надел сапоги, когда в 1915 г. его призвали на военную службу, и понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть к ним.

В праздники население обязано было посещать церковь. Те, кто нерегулярно выполнял это требование, получали замечания от священника и от станичного правления. Однако забайкальские казаки не отличались религиозностью. Это были нередко люди разной национальности.

прибывшие из разных уголков России,— русские, белорусы, украинцы, чувашаи, поляки и т. д., писавшиеся в Забайкалье русскими; в Забайкалье они общались с эвенками, бурятами, монголами и нередко вступали с ними в брак. Забайкальские казаки в большинстве своем метисы с бурятами и эвенками, но считают себя русскими. Они нередко знают свою родословную и могут сказать, в каком колене кто из их предков был бурят или эвенк. Эти сложные этнические переплетения не способствовали развитию религиозности казаков Забайкалья. В 1930-х годах в Забайкалье были закрыты церкви и население бывших казачьих селений быстро отошло от религии, только старики по привычке молились дома перед иконами, да в похоронных обрядах еще долго соблюдалась некоторые элементы старых религиозных обычаев (старики читали над умершим, на могиле оставляли после поминовения посуду и т. д.). В настоящее время в бывших казачьих селах умерших стариков — ветеранов колхоза — хоронят по гражданскому обряду сельский совет и правление колхоза.

Население казачьих сел было до революции в основной массе неграмотное. Считалось, что девочек не к чему учить, дома они были постоянно загружены работой. Мальчиков обучали начальной грамоте. Лишь состоятельные казаки учили своих детей в школе и отправляли учиться в город. Школы были обычно только в станицах и содержались за счет станичного правления, а следовательно, за счет казаков. В казачьих селениях нестаничного типа до XX в. школ не было, хотя там имелось по 100—200 дворов. В с. Курунзулай, в котором в 1914 г. имелось более 100 домов, казаки за свой счет построили школу, где их дети могли получить начальное образование.

Население казачьих станиц мало знало о жизни за пределами селения, вело хозяйство дедовскими способами, почти не ведая никаких новшеств ни в хозяйстве, ни в быту. Общий уровень культуры казачьих селений даже в начале XX в. был крайне низок. Когда в 1908 г. зажиточный казак Михаил Чупров (с. Верхний Ульхун) привез из Улан-Удэ керосиновую лампу, то вся семья смотрела на нее со страхом, а когда лампу зажгли, сидели не шевелясь, боясь, что она вспыхнет. В с. Долгокыча Ф. М. Большаков, 68 лет, вспоминает, что его дед в молодые годы привез из Нерчинска пилу, а как ее применять — не знал и изрезал на заслонки к печке; плахи для строительства и на дрова кололи топором, для изготовления дранки применяли клин. Самовар тоже был диковинкой даже в начале XX в. Л. Я. Ячменев из с. Верхний Ульхун вспоминает: «Привез казак Сулавка из города самовар, а обращаться с ним не знали как — налили воды в самоварную трубу, куда уголь надо было класть, а вода и вылилась. „Дед,— кричат женщины,— самовар-то худой привез!“».

Совершенно другими стали теперь бывшие казачьи селения. Следует отметить, что все они уже в советское время значительно пополнились переселенцами из других мест. Большая волна переселенцев прибыла в Забайкалье в 1932—1934 гг., а затем в 1937 г. из Воронежской, Тамбовской, Курской, Орловской областей в годы сильной засухи в этих местах. Многие прибыли в забайкальские селения в 1946 г. из Горьковской области, из Башкирии и др. Позднее сюда приезжали семьи и одиночки из разных городов и рабочих поселков по призыву партии, по комсомольским путевкам. Обособленные в прошлом группы русских старожитов Забайкалья сблизились путем браков с бывшими казаками и с вновь прибывшим русским населением. Большое значение имело колхозное строительство и особенно укрупнение колхозов, в результате чего в одной сельскохозяйственной артели объединялись рус-

Рис. 2. Автолавка получает книги в книжном магазине. С. Бичура Бурятской АССР

ские, буряты, эвенки. Так, в колхоз «Дружба» вошли русское с. Нарасун и бурятское с. Курулга; в колхоз им. Ленина — русские селения Мангут и Ульхун-партия и бурятское — Тарбальджей; в колхоз «Искра» — русское с. Курунзулай и эвенкийское с. Олдонда.

Основное направление хозяйства колхозов Читинской области — животноводство. До революции в казачьих селениях было развито коневодство, как отрасль, необходимая для снабжения казаков верховыми конями для службы и для работы в сельском хозяйстве. В настоящее время коневодством в таких размерах не занимаются. Теперь во многих колхозах южных районов Читинской области главными отраслями являются разведение тонкорунных и полутонкорунных овец и крупного рогатого скота (на мясо). Приносят доход и другие отрасли сельского хозяйства, но в меньших размерах (выращивают пшеницу, ячмень, овес, рожь, кормовые корнеплоды, картофель и др.). За последние годы в большинстве колхозов области, как и повсюду в стране, наблюдается интенсивный рост всех отраслей общественного хозяйства. Этому способствует укрупнение колхозов, приобретение ими техники, укрепление колхозов специалистами.

Во всех колхозах имеются подсобные предприятия, обслуживающие нужды общественного хозяйства и колхозников.

В колхозах идет интенсивное строительство различных хозяйственных помещений (ферм, мастерских) из местных материалов. Построено много зданий для культурных и бытовых учреждений (школы, интернаты, дома культуры, магазины, столовые, пекарни, детские сады, аптеки, больницы). Селения электрифицированы и радиофицированы.

Во время летних полевых работ из города на полевые станы выезжают автолавки с книгами, промышленными и продовольственными товарами (рис. 2).

В некоторых колхозах работают комбинаты бытового обслуживания. Например, в колхозе им. Ленина колхозники заказывают в своей

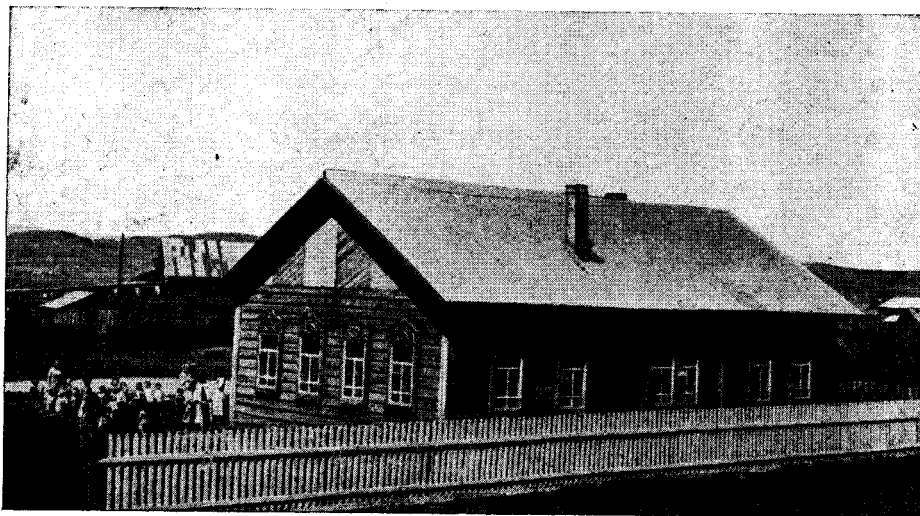

Рис. 3. Детский сад колхоза «Путь Ильича», с. Верхний Ульхун Читинской обл.

мастерской новую одежду, отдают в ремонт обувь. Мастерская шьет одежду для детей по заказу детского сада.

Большую положительную роль играют в колхозах пекарни, полностью освободившие женщин от домашней выпечки хлеба, а также общественные столовые, в которых колхозники ощущают все большую потребность. В колхозе им. Ленина столовой пользуются не только одинокие, но и семейные. Нередко берут обеды на дом. По субботам в столовой пекут пироги, ватрушки, которые колхозники берут домой на воскресенье. Все это освобождает женщин от части домашнего труда и создает условия для более деятельного участия в общественной жизни, для учебы, для занятий с детьми, для отдыха. В с. Мангут работает вечерняя средняя школа, где занимаются без отрыва от производства не только одинокие люди, но и семейные мужчины и женщины, главным образом механизаторы и животноводы.

Молодежь активно участвует в работе кружков при клубах и домах культуры. В Доме культуры колхоза «Дружба» работает кружок самодеятельности под руководством педагогов.

Инициатива в вопросах благоустройства селений, в организации новых праздников также принадлежит молодежи. Так, в августе 1960 г. в с. Улеты школьники организовали праздник цветов, на который были приглашены жители села. В 1961 г. благодаря настойчивой инициативе молодежи этого села почти у каждого дома были разбиты цветники, улицы летом стали нарядными.

В забайкальских селениях ясли и сады для детей рабочих и служащих работают круглогодично и чаще всего размещены в новых типовых домах, укомплектованы подготовленным обслуживающим персоналом. Колхозные ясли и детские сады пока еще работают сезонно, обычно с мая по ноябрь: не хватает оборудованных помещений, квалифицированного обслуживающего персонала, а иногда и средств на содержание детских учреждений. В колхозе «Путь Ильича» детский сад и ясли на 40 детей находятся полностью на колхозном обеспечении, но работа их здесь тоже только сезонная (рис. 3).

Школам в колхозах Забайкалья уделяется большое внимание. В связи со спецификой работы животноводов при школах организованы интернаты. Чабаны, пастухи, сакманщики¹⁰ и другие специалисты животноводческих ферм нередко целыми семьями длительное время года живут в колхозных домах при фермах, далеко от села. Их дети в период учебного года находятся в интернате на селе. Иногда в интернате живут и дети малообеспеченных многодетных колхозников. В колхозе им. Ленина одиннадцатилетняя школа с сельскохозяйственным профилем обучения имеет интернат на 55 человек, находящийся на полном государственном обеспечении. В колхозе «Путь Ильича» восьмилетняя школа также имеет интернат, который содержится на средства колхоза.

Осуществление закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» позволяет лучше воспитывать у подрастающего поколения правильное отношение к труду, готовить школьников к активному участию в строительстве коммунизма. Все больше внимания в школах и в колхозах уделяется вопросам подготовки будущих специалистов сельского хозяйства. Работа школьников в колхозе предусматривается школьным учебным планом и входит в производственную практику. Труд школьников оплачивается колхозом. В одиннадцатилетней школе колхоза им. Ленина с девятого класса начинается производственная специализация: девушек — в животноводстве, юношей — по механизации сельского хозяйства. С 9 мая и до конца учебного года уделяется по 5 час. в день производственной практике на животноводческих фермах и в механических мастерских.

В школьных мастерских колхоза «Путь Ильича» ученики делают мебель для колхозного детского сада. Учащиеся младших классов работают в пришкольном цветнике, на огороде и в саду. Полученные продукты идут на питание детей в интернате.

С переходом колхозов на денежную оплату труда повысилась активность старших школьников в колхозных работах. Школьники работают прицепщиками на тракторах, на конных косилках, конных граблях и т. д. В колхозе «Искра» ученики 7—8 классов на конных граблях зарабатывают по 60 руб. в месяц. Наиболее активным 1 сентября на торжественной школьной линейке выносятся благодарности колхоза.

Осенью на районных слетах ученических производственных бригад подводятся итоги их работы. Лучшие бригады и отдельные ученики награждаются.

В некоторых школах активно действуют тимуровские дружины. Совет дружины тимуровцев колхоза «Искра» по полученному в правлении списку колхозников, которым нужна помощь, дает по звеньям указания, кому и чем нужно помочь. Тимуровцы помогают одиноким престарелым и больным колхозникам — приносят воду, дрова, топят печь, выполняют некоторые работы на огороде.

Важным вопросом является воспитание детей физически здоровыми, хорошо подготовленными к труду. В каждом районе имеются расположенные в живописных местах пионерские лагеря, где школьники отдыхают во время летних каникул. Пионерский лагерь «Мордой» находится в красивой горной местности вблизи минеральных источников (рис. 4, 5). За лето в лагере отдыхают две смены детей по

¹⁰ Сакманщик — ухаживающий за новорожденными ягнятами. Обычно эту работу выполняют женщины.

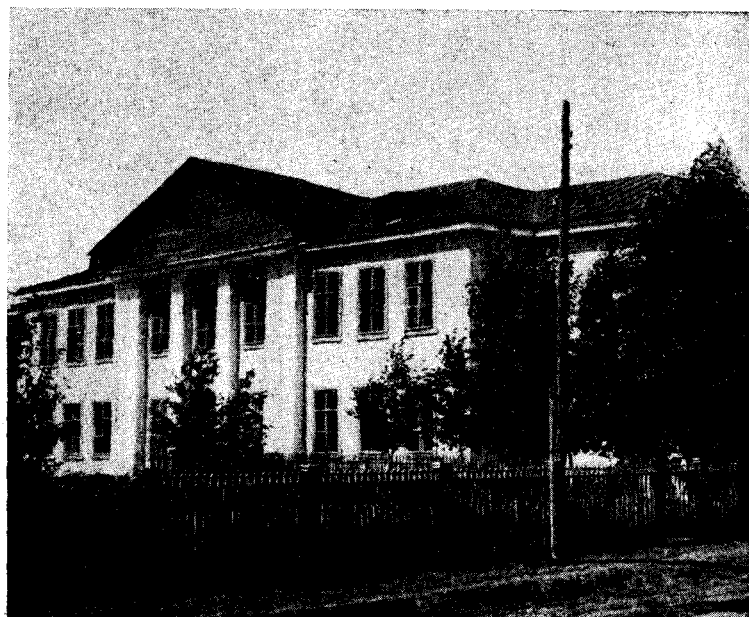

Рис. 4. Школа, построена в 1958 г., с Долгокыча Читинской обл.

Рис. 5. Пионерский лагерь Кыринского района Читинской обл.

26 дней. Открытие пионерского лагеря в каждой смене по традиции является праздником не только для детей, но и для родителей.

Пионерские лагеря чаще всего размещаются в постройках летнего типа. Спальни светлые, с удобными кроватями. Хорошо организовано питание. В пионерский лагерь «Мордой», где в одну смену отдыхают 170 пионеров, на лето пригоняют 10 коров, что обеспечивает детей све-

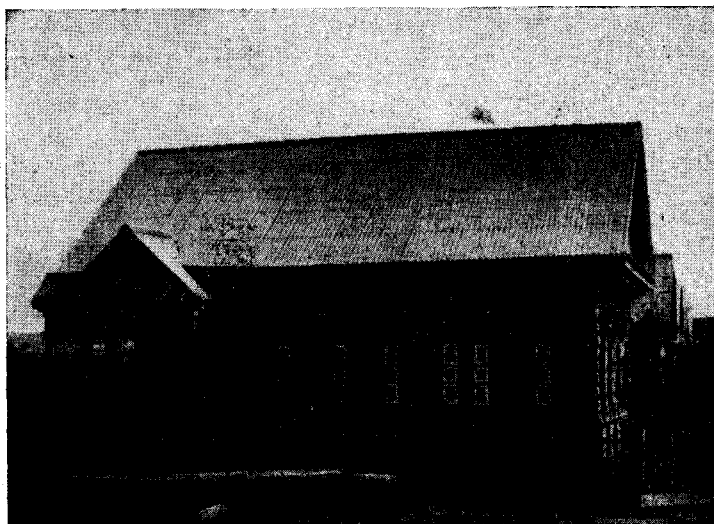

Рис. 6. Дом, выстроенный в 1959 г., с. Улеты Читинской обл.

жим молоком. В лагерях работают различные кружки, дети отправляются в туристские походы, знакомятся с краем, выступают с концертами в колхозах.

Огромные перемены произошли после революции в селах. В каждом селе есть больница или медицинский пункт. Лечение бесплатное, больным колхозникам оплачивается время болезни по среднему заработку.

Из года в год увеличивается внимание к организации отдыха колхозников. Они получают ежегодные оплачиваемые отпуска. Желающие могут купить путевку в дом отдыха, в санаторий. На приобретение путевок колхозы по мере надобности оказывают помощь. В колхозе им. Ленина имеется касса взаимопомощи, которая выдает безвозвратные денежные ссуды на приобретение путевок. В 1958 г. в этом колхозе выдали колхозникам пять путевок в санатории, в 1959 г. — 18, в 1960 г. — 23, в 1961 г. — 24 путевки. Выдаются путевки чаще всего в забайкальские санатории — Дарасун, Кука, Горячинск, Алентуй, но бывают и на курорты Кавказа.

Престарелые колхозники получают от колхоза пенсии.

Рост общественного хозяйства и его доходности позволил многим колхозам Читинской области перейти на ежемесячную денежную оплату труда своих членов и выдавать денежные поощрения передовикам. Входит в практику премирование лучших колхозников туристскими поездками по стране и за границу.

Успехи колхозного производства и рост культурного строительства в селах способствуют тому, что почти ликвидирован отлив сельского населения из колхозов в промышленность. Труд колхозников во многом облегчен. Так, во всех колхозах Забайкалья механизирована трудоемкая работа стрижки овец.

Развитие общественного хозяйства явилось основой роста благосостояния колхозников. Об этом убедительно свидетельствует такой факт, как массовое строительство жилых домов. В селах возникают новые улицы, застроенные красивыми домами.

В современном индивидуальном строительстве в колхозах Забайкалья утвердилась новая планировка жилого и хозяйственного комплекса построек. Совсем не строят дома «с коридором», характерные для XIX в., когда требовалось много помещений для хозяйственных нужд большой неразделенной семьи. Современная малая семья строит дом, разделяя его внутри тесовыми перегородками на несколько комнат. Отделяется кухня, прихожая, делается застекленная терраса. Дома строят бревенчатые в лапу или из шлакоблоков местного производства, покрывают их шифером или дранкой. Принято красить масляной краской пол, стены, опечек, иногда и потолок. Дома украшают резными наличниками, карнизом, нередко наличники ярко раскрашивают масляной краской (рис. 6).

Больших русских печей и полатей, где раньше спали все дети, а иногда и взрослые, теперь не делают. Печи делают из кирпича типа голландки, с плитой. Во многих домах пользуются электроплитками, электроутюгами. Некоторые семьи имеют стиральные машины.

Комнаты обставлены современной мебелью (гардеробы, комоды, мягкие диваны, металлические кровати с сетками, этажерки с книгами, стулья и др.). Буфет чаще стоит в кухне. В домах некоторых механизаторов и чабанов можно встретить дорогие ковры, трюмо, радиоприемники. Очень принято в последние годы украшать комнаты вьющимися растениями, стелющимися по стенам и потолку, на подоконниках стоят герани, гloxинии, гортензии, цветущие кактусы.

В каждой семье один-два, а то и больше велосипедов, так как каждому работающему члену семьи нередко приходится далеко ездить на фермы, в бригаду. Во многих семьях, особенно у механизаторов, имеются мотоциклы, а в некоторых есть и автомашины.

Домашний быт колхозников Забайкалья приближается к быту городского населения, но специфика занятий не может не сказаться на характере организации их быта.

С ростом продуктивности и увеличением оплаты труда в колхозах значительно уменьшилась экономическая роль индивидуального хозяйства семьи — сократилось число скота, уменьшился размер усадебного надела. В колхозе «Искра» (с. Курунзулай) с 1958 г. усадебные земельные наделы сократились с 0,70 до 0,25 га. В каждом хозяйстве до 1958 г. держали трех дойных коров, десять овец, одну-две свиньи с поросятами. После 1958 г. держат одну корову и лишь в больших семьях, имеющих нескольких детей, — две коровы, а кроме того, — кур, гусей, уток.

С развитием общественного хозяйства и с ростом достатков колхоза и семьи значительно повысился культурный уровень сельского населения. Увеличились затраты на удовлетворение личных потребностей и запросов семьи, на улучшение условий жизни и быта в связи с уменьшением затрат на хозяйственные нужды по сравнению с индивидуальным хозяйством до коллективизации. Радио, газета и книга вошли в каждый колхозный дом. В каждом колхозе Забайкалья в клубах демонстрируют кинофильмы, проводят беседы, лекции, способствующие культурному росту колхозной семьи и усилению политической и организационной работы на селе.

Новые задачи, выдвигаемые партией перед сельским хозяйством, требуют дальнейшего совершенствования руководства колхозами, повышения материальной заинтересованности всех колхозников в увеличении производства сельскохозяйственных продуктов и наиболее целесообразной специализации сельскохозяйственного производства. «Сельское хозяйство будет приближаться к уровню промышленности по

технической вооруженности и организации производства; сельскохозяйственный труд превратится в разновидность промышленного труда...»¹¹, — это положение записано в постановлении февральского Пленума ЦК КПСС.

SUMMARY

The present article summarizes the material on the past and present economic and cultural development in the former Cossack settlements of the Trans-Baikal area, collected by the Joint Expedition of the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences. The author also gives a brief outline of the history of some of the former Cossack settlements, which is an indispensable prerequisite for an analysis of social differentiation, of the specific features in the development of individual economic units and the basic trend of the economy in general. Concrete material is cited to characterize the level of development of the public economy and the cultural construction in the former Cossack settlements of the Trans-Baikal area in the present period.

¹¹ «Правда» от 15 февраля 1964 г.

